

УДК 821.161.1.09-3+929[Толстой+Салтыков-Щедрин]

К ИСТОРИИ «АННЫ КАРЕНИНОЙ». ПАРОДИЯ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ

М. В. Строганов

Строганов Михаил Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского искусствознания, Институт славянской культуры Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, mvstrojanov@gmail.com

Считается, что с романом Л. Н. Толстого «Анна Каренина» связана незаконченная «Благонамеренная повесть» М. Е. Салтыкова, посвященная критике «природной» мотивировки социальной жизни человека. Однако еще в 1863 г. Салтыков публикует текст, который выглядит как пародия типичного портрета героя Толстого и как прецедентный текст по отношению к портрету Анны Карениной.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков, пародия, прецедентный текст.

To the Story of *Anna Karenina*. Parody as a Precedent Text

M. V. Stroganov

Mikhail V. Stroganov, ORCID 0000-0002-7618-7436, Russian State University (Technology. Design. Art) – Institute of Slavic Culture, 6, Khibinskiy proezd, Moscow, 129337, Russia, mvstrojanov@gmail.com

It is generally known that the novel of Leo Tolstoy *Anna Karenina* is connected with the unfinished work of Mikhail Saltykov *Blagonamerennaya povest'* (The loyal story), which was dedicated to the criticism of 'natural' motivation of human's social life. However, already in 1863 Saltykov published a text which looked like a parody of a typical Leo Tolstoy hero portrait and like a precedent text with regard to the portrait of Anna Karenina.

Key words: Leo Tolstoy, Mikhail Saltykov, parody, precedent text.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-419-423

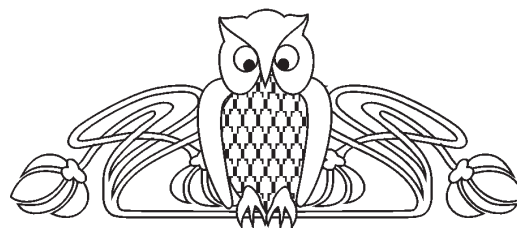
По своей природе пародия не может являться прецедентным текстом, так как развенчание определенного текста лишает его возможности провоцировать последующие тексты. Например, стихотворение А. С. Пушкина:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если это проза,
Да и дурная?..¹ –

является пародией на белые пятистопные ямбы В. А. Жуковского и непосредственно на стихотворение «Тленность»:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если то ж случится
И с нашей хижинкой?.. Как страшно там!²

За пародией Пушкина уже ничего не может последовать: тема закрыта навсегда.

Другое дело – пародийное применение, в котором форма известного произведения провоцирует тексты с иным (чаще всего сатирическим) заданием. Например, стихотворение М. Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня» вызвало ряд переписок: как сатирических (Н. А. Некрасов, 1845; П. И. Вейнберг, 1862; Д. И. Минаев, 1862, 1870-е; И. З. Суриков, 1864; Н. П. Огарев, 1871; О. Н. Чюмина, 1905), так и вполне серьезных (И. В. Омулевский, 1883; А. Ф. Иванов (Классик), 1891; В. Н. Фигнер, 1888; П. В. Жадовский, 1886)³. Каждое новое применение колыбельной Лермонтова не закрывало перед другими авторами возможности применять эту форму для своих целей.

Но мы будем говорить о таком явлении, которое внешне выглядит как пародия и вместе с тем выполняет функцию прецедентного текста. И все это связано с отношением М. Е. Салтыкова к роману Толстого «Анна Каренина».

Вообще-то Салтыков собирался написать пародийный текст на «Анну Каренину». По первоначальному замыслу незавершенный рассказ «Благонамеренная повесть» должен был войти в цикл «Благонамеренные речи» как образец «благонамеренного искусства». Рассказчик-охранитель во вступительной части «Благонамеренной повести» признавался, что предпочитает повесть другим литературным жанрам, так как «главное удобство повести заключается в том, что она не имеет дела до отвлеченных идей, а прямо вводит читателя в мир живых образов, поступков и действий. Каковы стремления этих живых образов? каково содержание их поступков и действий? На вопросы эти романические традиции отвечают совершенно определенно одним словом: любовь⁴; «Да, любовь именно тем и хороша, что все в ней благонамеренно и политически благонадежно. Это единственное чувство, которое не терпит превратных толкований. <...> Одна любовь исключает все другого рода помыслы, все, что сеет между людьми рознь, что заставляет их ненавидеть друг друга. Любовь – это воплощенная благонамеренность, это оплот, к которому ни один кварталный надзиратель не смеет отнестись иначе, как с почтением и приложив руку к козырьку⁵. И хотя до сих пор нет «ни одного романиста, который вполне отрешился бы от так называемой любовной интриги, но одно то, что интрига эта без нужды и самым неприятным образом замедляется совершенно неклеющимися с нею экскурсиями в область философских умозрений, административных игр и т. д., – одно это

уже составляет ересь, к которой благонамеренный читатель должен отнестись с недоумением. Некоторые писатели, например, ищут заинтересовать читателя описанием борьбы консервативных идей с субверсивными (субверсивными; подрывными, разрушительными. – М. С.); другие – от благоухающих сцен любви внезапно переходят к изложению административных мер по взиманию недоимок; третьи, наконец, ухитряются сочетать любовь с сыроварением, да сверх того, тут же приплетают артельное начало и вопрос о допущении женщин к слушанию медицинских курсов»⁶. Причину этого явления рассказчик видит в том, что «для современного человека процесс любви и отношения, которые из него вытекают, уже не представляют достаточного разнообразия»⁷. Тут, кстати, помещается и пародия на любовную сцену в «Обломове» Гончарова, что не отмечено в комментариях: «И поцелуй, поцелуй, поцелуй – без конца! Он сорвал ветку сирени, всю покрытую сверкающими каплями росы, и брызнул ею в ее лицо... „Возьми меня!“ – прошептала она, склоняясь, словно подрезанный цветок, на его плечо...»⁸

А вследствие этого «повесть, допустив вторжение элементов политических и социальных, любовь же поставив на задний план, совершенно утратила свою прежнюю благонамеренность»⁹. В современном мире «центром любовного тяготения» является не человек, «а так называемый низший организм, который один сохранил любовную отвагу во всей ее полноте и беззаветности. И не *cabinets particuliers* (отдельный кабинет в ресторане, фр. – М. С.) представляют собой современную арену любви, а скотный двор, птичник, пастбище, водопой. Там разворачивается действительная, здоровая любовная драма, там, перед лицом всей природы, раздаётся немолчный гимн оплодотворению и любви»¹⁰.

После этого вступления следует повесть «Мои любовные радости и любовные страдания» с подзаголовком «Из записок солощого быка», прашура которого в десятилетнем возрасте чуть было не произвели «в волы»¹¹. Повесть обрывается на том месте, где главный герой приступает к делу своей жизни. Но читателю и так ясно, в чем должны состоять «любовные радости и любовные страдания» «быка», «солощого» до своего «бычьего» дела.

В начале 1875 г. Салтыков тяжело заболел, и врачи направили его на лечение в Баден-Баден. 9 марта 1875 г. он писал П. В. Анненкову, который жил там, о своем приезде и об «Анне Карениной», начало которой было опубликовано в «Русском вестнике»: «Вероятно, Вы <...> читали гр<афа> Толстого о наилучшем устройстве быта детор<одных> частей. Меня это волнует ужасно. Ужасно думать, что еще существует возможность строить романы *на одних* половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется это подло и безнравственно. И ко всему этому прицепляется

консервативная партия, которая торжествует. Можно ли себе представить, что из коровьего романа Толстого делается какое-то политическое знамя?»¹²

Хотя в «Благонамеренные речи» «Благонамеренная повесть» не вошла, от самого сюжета Салтыков не отказался. И в июне–июле 1875 г. на полях черновой рукописи рассказа «Сон в летнюю ночь» он записал ряд сюжетов для нового цикла «Культурные люди». Текст одной из записей таков: «Литератор. Повесть о влюбленном быке». А в письме к Анненкову из Ниццы от 20 ноября (2 декабря) 1875 г. Салтыков перечислял сюжеты этого цикла, в том числе: «...литератор, который в подражание „Анне Карениной“ пишет повесть „Влюбленный бык“»¹³. Однако и в составе цикла «Культурные люди» «Благонамеренная повесть» не была напечатана. Впервые ее опубликовали почти одновременно в 1914 г. В. П. Кранихфельд и М. К. Лемке.

Комментируя это произведение в Собрании сочинений Салтыкова, С. А. Макашин писал: «...незаконченную „Благонамеренную повесть“ нередко трактуют как *пародию на „Анну Каренину“* и делают отсюда соответствующие выводы. Но это *неверно*, хотя связь между возникновением замысла „Благонамеренной повести“ и резко отрицательным восприятием Салтыковым *первых глав* романа Толстого очевидна»; «В написанном начале „Благонамеренной повести“ налицо теоретический и сатирический спор Салтыкова с Толстым по поводу традиций любовного романа в „Анне Карениной“, но *нет никаких элементов пародии на это произведение*»¹⁴. С. А. Макашин прав в том смысле, что без знакомства с перепиской Салтыкова с Анненковым связь «Благонамеренной повести» с «Анной Карениной» неочевидна, между тем как пародия должна быть непременно узнана, поэтому требует прямых отсылок к пародируемому произведению.

Вместе с тем в своей аргументации С. А. Макашин исходил из непрерываемого авторитета и презумпции правоты великих русских писателей, которые не могут ошибаться. Не мог ошибаться Толстой, поэтому С. А. Макашин писал, что в главах, следующих за начальными, роман Толстого приобрел «философско-общественный и злободневно-публицистический» характер. Поэтому «отзыв Салтыкова об „Анне Карениной“ как о романе, построенном „на одних половых побуждениях“, относится отнюдь не ко всему роману, далеко тогда и не законченному, а *лишь к его первой части и к половине второй* (гл. 1–10), появившимся в № № 1 и 2 „Русского вестника“ за 1875 год»¹⁵. Но не мог ошибаться и Салтыков, в защиту которого исследователь замечал, что продолжение романа в № 3 и 4 «Русского вестника» Салтыков едва ли прочитал из-за ухудшившегося здоровья¹⁶. С. А. Макашин защищает и репутацию Толстого, который не мог писать роман, «построенный „на одних половых побуждениях“, и

репутацию Салтыкова, который не мог ошибаться в своих критических оценках. Именно поэтому, в частности, из письма Салтыкова к П. В. Анненкову от 9 марта 1875 г., которое мы уже цитировали, С. А. Макашин выпускает большой фрагмент, начиная со слов «Ужасно видеть...» Однако ни тот, ни другой писатели в защите не нуждаются. Например, Н. Н. Страхов воспринимал начало «Анны Карениной» таким же точно образом, что и Салтыков, хотя и не критически, о чем сообщал Толстому 1 января 1875 г.: «Изображение страсти во всей ее прелести и во всём ничтожестве»¹⁷. Салтыков же в соответствии со своей теорией общественного романа (построенного не на любовном, а на социально-политическом материале)¹⁸ вполне естественно должен был возразить Толстому.

Наконец, С. А. Макашин полагал, что «Салтыков успел написать для „Благонамеренной повести“ только „Вступление“ и две главы (третья лишь обозначена заглавной цифрой) „Из записок солощого быка“ под заглавием „Мои любовные радости и любовные страдания“»¹⁹. Однако это утверждение вступает в противоречие с тем, что повесть сохранилась в беловой рукописи с некоторой авторской правкой (архив М. М. Стасюлевича, ныне Пушкинский Дом). Как мы уже сказали, повесть обрывается там, где главный герой приступает к делу своей жизни, но читателю и так уже все ясно. Незавершенность текста имеет, скорее всего, мнимый характер.

Но вернемся к Толстому. Цитированная выше вступительная часть повести Салтыкова, писавшаяся в 1875 г., очень напоминает повесть Толстого «Холстомер», герой которого после покушения на «любовь» был выхолощен, так как его потомство могло быть недоброкачественной масти, точно так же как и пращур «солощого быка», которого чуть было не перевели «в волю», т. е. намеревались выхолостить, кастрировать.

Как известно, Толстой задумал «историю лошади» в 1856 г., а пытался напечатать ее в 1865 г. в журнале В. А. Соллогуба и М. П. Погодина «Старовер», но они отвергли ее по причине излишне откровенной «природности», и только в 1885 г. повесть была опубликована. Впрочем, в литературных кругах этот замысел (сначала он принадлежал М. А. Стаховичу и только потом перешел к Толстому) был достаточно известен. Предположительно к 1856 г. относится воспоминание И. С. Тургенева: «Однажды мы виделись с ним [с Толстым] летом в деревне и гуляли вечером по выгону, недалеко от усадьбы. Смотрим, стоит на выгоне старая лошадь самого жалкого и измученного вида: ноги погнулись, кости выступили от худобы, старость и работа совсем как-то пригнули ее; она даже травы не щипала, а только стояла и отмахивалась хвостом от мух, которые ей досаждали. Подошли мы к ней, к этому несчастному мерину, и вот Толстой стал его гладить и, между прочим, приговаривать, что тот, по его мнению, должен был чувствовать и думать. Я положитель-

но заслушался. Он не только вошел сам, но и меня ввел в положение этого несчастного существа. Я не выдержал и сказал: „Послушайте, Лев Николаевич, право, вы когда-нибудь были лошадьё“²⁰. Да, вот извольте-ка изобразить внутреннее состояние лошади»²⁰.

Между тем сам Толстой однажды возразил на это мнение, хотя и не впрямую. В черновиках «Войны и мира», в так называемой аристократической главе, он писал, что не понимает духовных запросов и поисков иных классов, кроме дворянства (аристократов), и, бравируя, добавлял: «...не могу понять того, что думает корова, когда ее доят, и что думает лошадь, когда везет бочку»²¹. Но если семинаристов Толстой и не пытался понять, то над пониманием лошади он задумывался.

Впрочем, нам неизвестно, знал ли Салтыков об этом замысле Толстого. Но знал или не знал — это не столь важно. Во-первых, лошадиная тема была исключительно популярна в литературе 1840–1850-х гг., что отмечал уже Б. М. Эйхенбаум²². Во-вторых, Салтыков в любом случае посчитал бы эту тему праздной забавой, что он и выразил в своей «Благонамеренной повести»: естественно-природная тематика была ему принципиально чужда. Таким образом, «Благонамеренная повесть» Салтыкова в той ее части, которая касается изображения животного и его «природных» страстей, оказывается если не прямой пародией на повесть Толстого «Холстомер», поскольку написана до публикации пародируемого текста, то во всяком случае пародией на проблематику, связанную с этой повестью, так как написана на ее культурном фоне.

Ну, а теперь вернемся уже и к «Анне Карениной». В рецензии на роман И. И. Лажечникова «Немного лет назад», которая была опубликована в «Современнике» в 1863 г., Салтыков критиковал устаревшую манеру Лажечникова и писал, что тот «и наружность своих героев описывает как-то по-старинному. У него, если человек имеет сердце прекрасное, то и наружность его прекрасная; если человек имеет природу паскудную, то и наружность его паскудная. Не то что, например, нынешние психологи-беллетристы: „она, говорит, была не красива, но на затылке у нее были три волоска, которые говорили о природе и силе“, или „с первого взгляда она не нравилась, даже руки у нее были несколько красны, но когда она смеялась, то брови ее как-то так поднимались, что невольно приходило на мысль: а! да ты с душком!“ Вот так пишете, г. Лажечников, и мы скажем, что вы тоже писатель с душком, а то для добродетельных черные волосы с синим отливом и темно-карие глаза, а для злодеев — бесовские взгляды и носы в виде пуговиц!»²³

Кто эти «нынешние психологи-беллетристы», которые пишут фразы наподобие следующей: «она, говорит, была не красива, но на затылке у нее были три волоска, которые говорили о природе и силе»? Современный человек практически одно-

значно ответит, что здесь имеется в виду Толстой как создатель образа Анны Карениной, и будет по-своему прав, но только по-своему.

Дело в том, что в романе Толстого волосы Анны описаны только один раз: «Прическа ее была незаметна. Заметны были только, украшая ее, эти своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивавшиеся на затылке и висках»²⁴. Еще раз в романе эти завитки на затылке упоминаются при описании сына Анны Сережи, видимо, как наследственная черта.

Между тем эти единожды описанные завитки стали необыкновенно знамениты. Интернет буквально ломится этими завитками: учителя и ученики, парикмахеры и модельеры, кинематографисты и балетмейстеры – все считают своей прямой обязанностью упомянуть эти завитки. Однако завитки Анны Карениной стали знамениты еще до появления Интернета, поэтому приведем именно «досетевые» примеры. В. В. Набоков в своих лекциях о русской литературе писал о Толстом: «Так и хочется порой выбить из-под обутых в лапти ног мнимую подставку и запереть в каменном доме на необитаемом острове с бутылкой чернил и стопкой бумаги, подальше от всяких этических и педагогических „вопросов“, на которые он отвлекался, вместо того чтобы любоваться завитками темных волос на шее Анны Карениной»²⁵. А еще ранее – в юбилейном стихотворении «Толстой» (1928) Набоков писал:

Среди толпы Каренину не раз
по черным завиткам мы узнавали;
мы с маленькой Щербацкой танцевали
заветную мазурку на балу...

Современные теоретики литературы из МГУ в сетевом университетском учебнике с уважением ссылаются на старую (досетевую) работу Е. С. Добиная, в которой как пример одной из наиболее опознаваемых и даже символических деталей упоминаются «завитки волос на шее Анны»²⁶.

Поскольку в самом романе эти завитки упоминаются всего лишь один раз, причины их исключительной популярности следует искать за его пределами. И как представляется, эту причину можно объяснить только их происхождением. Т. А. Кузминская описала знакомство Толстого в начале 1868 г. с М. А. Гартунг, дочерью А. С. Пушкина: «... дверь из передней отворилась, и вошла незнакомая дама в черном кружевном платье. Ее легкая походка легко несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру.

Меня познакомили с ней. Лев Николаевич еще сидел за столом. Я видела, как он пристально разглядывал ее.

- Кто это? – спросил он, подходя ко мне.
- М-ме Гартунг, дочь поэта Пушкина.
- Да-а, – протянул он, – теперь я понимаю...

Ты посмотри, какие у нее арабские завитки на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее;

разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это»²⁷.

Воспоминания Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» вышли первым изданием в 1925 г. и, как следует полагать, определяли восприятие произведений Толстого (не только «Анны Карениной»). В частности, правнучка Пушкина С. П. Воронцова-Вельяминова вспоминала в 1958 г.: «Я много раз слышала от своей матери, внучки А. С. Пушкина, что Толстой изобразил дочь Пушкина М. А. Гартунг в Анне Карениной. Я хорошо помню тетю Машу на склоне лет, до самой старости она сохранила необычайно легкую походку и манеру прямо держаться. Помню ее маленькие руки, живые блестящие глаза, звонкий молодой голос. Однако характером тетя Маша не походила на Анну Каренину: своих детей у нее не было, и, кажется, она вообще их не любила»²⁸. Другие свидетельства того, что «Толстой изобразил дочь Пушкина М. А. Гартунг в Анне Карениной», отсутствуют, приходится верить или не верить воспоминаниям Кузминской, которые оказываются единственным источником по этому вопросу. Мы вовсе не хотим поставить точность этих воспоминаний под сомнение, но следует признать, что отдельные колечки волос на шее женщины при прическе с поднятыми вверх волосами – самое обычное дело, и ничего «арабского» в них, конечно, нет. Толстой совершенно произвольно соединяет эффектное зрительное впечатление и условную «национальную» черту.

Однако вся проблема в том, что Салтыков упомянул эти завитки волос на затылке, разумеется, не только не после 1925 г., когда были опубликованы воспоминания Кузминской, но и не после 1875 г., когда были опубликованы первые главы «Анны Карениной», и даже не после 1868 г., когда Толстой познакомился с М. А. Гартунг. Салтыков упомянул эти завитки волос на затылке в 1863 г., когда и «Война и мир» только начиналась, а об «Анне Карениной» и речи не было.

И тем не менее, невзирая на то, что Салтыков создал свой текст задолго до Толстого, мы полагаем, что в данном случае перед нами именно пародия. Салтыков пародирует манеру Толстого создавать портретную деталь с произвольной психологической нагрузкой. Сравним три фрагмента. Салтыков пишет: «на затылке у нее были три волоска, которые говорили о природе и силе». Толстой пишет: «своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивавшиеся на затылке и висках». Кузминская пишет: «арабские завитки на затылке. Удивительно породистые». Как легко заметить, Кузминская (1925) ближе всего не к Толстому (1875), а к Салтыкову (1863), хотя, конечно, она едва ли помнила и едва ли читала рецензию Салтыкова на роман Лажечникова: в 1863 г. ей, родившейся в 1846 г., было 17 лет, и вряд ли «Современник» был постоянным чтением в семье Берсов. Однако если мы признаем текст

Салтыкова пародией, то следует сказать иначе: Салтыков ближе не к роману, а к воспоминаниям Кузминской. Правда, в целях пародийного снижения он говорит не о завитках, а о «трех волосках» на затылке, которые в этом сатирическом портрете означают, что у героини жидкие волосы.

Мы не знаем, читал ли Толстой в 1863 г. «Современник» с рецензией Салтыкова на роман Лажечникова. Но саркастическая реплика Салтыкова об устаревшем методе описания персонажа выглядит как прецедентный текст для Толстого, который создавал свои портреты по той же самой модели.

Выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00389а).

Примечания

- ¹ Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 20 т. СПб., 1937–1956. Т. 2, кн. 1. С. 26.
- ² Жуковский В. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 2 : Стихотворения 1815–1852. М., 2000. С. 81.
- ³ См.: Гаспаров М. Метр и смысл : об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999. С. 155.
- ⁴ Салтыков-Щедрин М. Собр. соч. : в 20 т. М., 1965–1977. Т. 11. С. 506–507.
- ⁵ Там же. С. 510.
- ⁶ Там же. С. 507.
- ⁷ Там же. С. 508.
- ⁸ Там же. С. 509.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 511.
- ¹¹ Там же. С. 512.
- ¹² Там же. Т. 18, кн. 2. С. 180.
- ¹³ Там же. С. 233.
- ¹⁴ Макашин С. Примечания // Салтыков-Щедрин М. Указ. соч. Т. 11. С. 633–634, 635.
- ¹⁵ Там же. С. 634.
- ¹⁶ Там же. С. 635.
- ¹⁷ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым (Толстовский музей. Т. II). СПб., 1914. С. 57.
- ¹⁸ См.: Бушмин А. Сатира Салтыкова-Щедрина. М. ; Л., 1959. С. 409–435.
- ¹⁹ Салтыков-Щедрин М. Указ. соч. Т. 11. С. 635.
- ²⁰ Кривенко С. Из «Литературных воспоминаний» // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст. С. М. Петрова ; сост. и подгот. текста С. М. Петрова и В. Г. Фридлянд ; коммент. В. Г. Фридлянд. М., 1983. Т. 1. С. 417.
- ²¹ Толстой Л. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 13. М., 1949. С. 239.
- ²² См.: Эйхенбаум Б. Лев Толстой : Исследования. Статьи / сост., вступ. ст., общ. ред. И. Н. Сухих. СПб., 2009. С. 432–443.
- ²³ Салтыков-Щедрин М. Указ. соч. Т. 5. С. 311.
- ²⁴ Толстой Л. Собр. соч. : в 22 т. Т. 8. М., 1981. С. 91.
- ²⁵ Набоков В. Лекции по русской литературе : пер. с англ. СПб., 2010. С. 222.
- ²⁶ Чернец Л., Исакова И. Теория литературы : Анализ художественного произведения. 2. Предметный мир. 2.9. Деталь. 2.9.2. Символика детали. URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=3&az=2&pod=9&pag=2> (дата обращения: 17.06.2017).
- ²⁷ Кузминская Т. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне : Воспоминания / предисл. С. А. Розановой ; подгот. текста и примеч. Т. Н. Волковой. М., 1986. С. 481–482.
- ²⁸ Волкова Т. Примечания // Кузминская Т. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне : Воспоминания. С. 529.

Образец для цитирования:

Строганов М. В. К истории «Анны Карениной». Пародия как прецедентный текст // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 419–423. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-419-423.

Cite this article as:

Stroganov M. V. To the Story of *Anna Karenina*. Parody as a Precedent Text. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 419–423 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-419-423.